

Сов. Башкирия. — Преп. — 1988. — 8 мая

Продолжаем обсуждение статьи Г. Шафикова «Что за рампой?»

ТЕАТРАЛЬНЫЕ традиции Башкирии уходят своими корнями к передвижным театрам, в том числе — знаменитому детищу В. Муртазина-Иманского. С первых лет Советской власти театр занял передовые позиции в национальной культуре, стал выразителем самых прогрессивных революционных идей. Более того, он стал хранителем и провозвестником развития литературного языка. Не одно поколение гордилось своим театром, славными именами его актеров, которые были известны далеко за пределами республики. У истоков Башкирского академического стояли выдающиеся деятели: М. Магадеев, Б. Имашев, Г. Ушанов. Огромный вклад в развитие театрального искусства внес заслуженный артист РСФСР Вали Галимов, который долгие годы являлся главным режиссером Башкирского академического, осуществив целый ряд прекрасных постановок. При нем успешно творили такие талантливые режиссеры, как Х. Бухарский и Ш. Муртазина. Ряд интересных работ осуществил народный артист СССР А. Мубаряков.

Почему же в наши дни неожиданно остро встал вопрос о том самом театре, который всегда был гордостью народа, всей нашей национальной культуры? Почему с тревогой и беспокойством об этом заговорили всюду? Ведь ни для кого не секрет, что публика приходит сегодня в театр в основном для того, чтобы послушать песни, посмотреть пляски, посмеяться шуткам персонажей. Но для этого существует филармония, где и поют, и пляшут и где конференция изобретается в остроумии. Ответ на эти «почему» дан в статье «Что за рампой?» Г. Шафикова, опубликованной в «Советской Башкирии» 6 марта. Полностью согласен с автором.

В последние годы руководство театра постоянно упрекает башкирских драматургов в отсутствии хороших пьес. Мне, как председателю драматургической секции при Союзе писателей, особенно больно слышать это, хотя в известной степени с таким упреком нельзя не согласиться. А тут еще наша секция и руководство театра в какой-то момент перестали понимать друг друга. Рекомендованные нами для постановки пьесы не вызвали энтузиазма у художественного совета театра, а поставленные без ведома секции произведения вызвали недоумение у нас. Особенно инсценировки, число которых в последние годы резко выросло, и делались они, главным образом, одним человеком — главным режиссером театра Р. Исрафиловым. Мне кажется, не лучшую услугу ему оказала теперь уже давняя инсценировка повести татарского писателя-фрон-

товика А. Кутуя «Неотосланные письма», уже тогда прозвучавшая довольно архаично. Успех же обеспечили музыка и песни композитора Рима Хасанова, а также игра еще молодого Фидана Гафарова. Но уже тогда четко наметился зрительский контингент, состоящий из любителей душещипательных мелодрам и песен. И Исрафилов стал эксплуатировать эти мотивы. Так уж получилось, что именно инсценировки Исрафилова стали гвоздем программы, т. е. афиши театра. Они чаще других спектаклей шли на сцене, неизменно вызвали на гастроли по стране, а актеры, за-

Сайфуллин. Вопрос о третьем до сих пор не решен.

Хочется в этой связи поставить вопрос о творческой отдаче театрального факультета Уфимского института искусств, который должен готовить не только актеров, но и режиссеров. К сожалению, за время своего существования факультет мало дал драматическому искусству. Почему же не посылают кадры на учебу в Москву, Ленинград, как это практиковалось раньше? Почему вот уже тридцать лет нет нового выпуска башкирского отделения в ГИТИСе?

Это далеко не праздные вопросы. Именно в них кроются многие беды наше-

Диялфруз? И это — сверхгмеющихся уже музыкальных постановок, к тому же перед 70-летием Башкирии, когда театру пора бы вплотную приступить к подготовке серьезных спектаклей. Главный режиссер любит говорить об особой требовательности, предъявляемой к произведениям драматургии. Но о какой требовательности может идти речь, если его внимание привлекла явно слабая пьеса И. Абдуллина «Осенняя соната», которую после обсуждения на секции было рекомендовано основательно доработать. Театр взялся за эту вещь в обход секции.

Недавно состоялось рас-

боты в театре целый ряд интересных постановок. Его спектакль «И судьба — не судьба», поставленный в Центральном детском театре в Москве, также имел большой успех. Но одно дело — быть хорошим режиссером-постановщиком, и совсем другое — творчески руководить таким сложным организмом, как академический театр. От отсутствия всякой критики и избытка похвал со стороны прессы, радио и телевидения у Исрафилова сложилось явно искаженное представление о своих возможностях и о своей личности вообще. И это не преминуло сказаться на его поведении, руководстве коллективом, во всех театральных делах. Ничего в театре не делается вопреки его мнению. Художественный совет состоял и состоит только из тех людей, которые безоговорочно его поддерживают, стараются претворить в жизнь любое его желание, каприз. Что ж удивительного в том, что главным законом и правилом в работе стало для него только личное волевое решение? А ведь наше время подкашивает в таких случаях очень хороший выход: назначать в художественные руководители нейтрального, но очень справедливого и глубоко разбирающегося в театральном деле человека, который бы планомерно и разумно осуществлял процесс руководства коллективом, привлекая для постановки лучшие силы, выбирая лучшие драматургические произведения. Словом, полностью осуществлял репертуарную политику театра в тесном контакте с членами по-настоящему объективного художественного совета. Он, этот совет, должен состоять не только из актеров и режиссеров, но и включать в свой состав драматургов, общественных деятелей, представителей зрительской общности. Это предложение, внесенное на заседании доктором филологических наук критиком Р. Амировым, по-моему, заслуживает серьезного внимания.

Мы, драматурги, хотим не только создавать хорошие и нужные произведения, соответствующие нашей бурной революционной эпохе, но и видеть любимый театр в постоянном творческом горении и движении вперед.

НАХИБ АСАНАБЕВ,
председатель секции драматургов Союза писателей БССР, лауреат премии им. Салавата Юлаева.

ПОТОПЬ

9 мая ожидается переменная облачность, местами дожди. Ветер северо-западный, 5—10 метров в секунду. Температура ночью 3—8, днем 15—20 градусов тепла.

Заместитель редактора
В. А. УСТИНКОВ.

НАША ОБЩАЯ ЗАБОТА

нятые в них, получали высокие звания и награды. Главный режиссер полностью уверовал в достоинства своих инсценировок, и потому стал с явной прохладцей и даже пренебрежением относиться к произведениям «чистых» драматургов. Не отклоняя удачные пьесы, тем не менее, ревниво относился к успеху их постановок, а значит — к работе других, очередных режиссеров. В статье Г. Шафикова приведен ряд примеров такого пристрастного отношения к отдельным спектаклям, осуществленным иными постановщиками. Ощущал подобное на себе, точнее на судьбе своих работ, и я. Прежде всего, это касается пьес «Красный папа» и «Приглашение на майдан». Последняя вообще шла на сцене считанные месяцы, хотя на явное посещение зрителей театру никак нельзя было пожаловаться. То же самое можно сказать и о других спектаклях, поставленных режиссерами Л. Валеевым, В. Сайфуллиным. В частности, это касается и пьесы А. Мирзалитова «Огненный вихрь», может быть, единственной в репертуаре театра, глубоко отражающей события гражданской войны в Башкирии.

В этой связи хотелось бы сослаться на опыт Республиканского русского театра драмы, руководство которого довольно часто приглашает опытных режиссеров-постановщиков из Москвы, Ленинграда, других городов страны, в результате чего репертуар театра выглядит сегодня весьма солидно. Разве не мог бы и наш академический приглашать для постановки лучшие творческие силы Казахстана, Татарии, других республик страны?

Сейчас в театре работают всего два штатных режиссера — сам Исрафилов и

го театра, когда отсутствие притока свежих талантливых сил создает застой в работе, утверждает искусственный культ руководителя и слепое подчинение коллектива. Точнее, части его.

Можно сколько угодно кивать в сторону драматургов, упрекать их в слабости произведений, но если нет тесного контакта между театром и создателями пьес, а также заинтересованности со стороны театра в полноценных сценических произведениях, отвечающих проблемам времени, не будет и хороших спектаклей.

Что должен ощущать драматург, спектакли по пьесам которого, рожденные в трудах и муках, неожиданно-негаданно выбрасываются из репертуара через какой-нибудь год-другой, как раз в то самое время, когда интерес к ним со стороны зрителей стал расти? Именно такое случилось с тремя пьесами Г. Шафикова.

Плохо, что заседания нашей драмсекции проходят без присутствия членов художественного совета театра, его руководителей. А ведь прямо на этих заседаниях можно было бы прийти к какому-то общему решению. Но дозваться работников театра на такие заседания трудно. Почти невозможно.

Плохо, когда национальный театр, каким всегда был Башкирский академический, теряет свое лицо. И добро бы, если бы на его сцене ставились яркие произведения авторов из других братских республик. Так нет же, не ставятся. Выбор их случаен. Создается впечатление, что пьесы эти взяты не по потребности театра, а в результате волевого решения руководителя, его личных контактов. Чем иным можно объяснить хотя бы постановку очередной мелодрамы известного татарского драматурга Т. Минуллина «Четыре жениха для

ширенное заседание секции драматургов и Союза театральных деятелей. После длительного застойного периода, который коснулся и нашего театрального искусства, все ждали серьезного и всестороннего обсуждения создавшегося неблагоприятного положения в этой области. Но ожидаемого результата встреча не дала. На ней царил весьма напряженная атмосфера.

То, что руководство театра совершенно не приняло критику, прозвучавшую в статье Г. Шафикова, ярче всего выразилось в выступлении председателя Союза театральных деятелей БССР О. Ханова. Он заявил, что автор статьи облил ушатом грязи театр и его главного режиссера. Как же может жить и развиваться театр, который не считает нужным принять даже малейшую критику в свой адрес? Это явно нездоровое явление, к которому оно связано с тем, что коллектив, за отдельным исключением, не имеет права голоса и полностью зависит от мнения своего художественного руководителя.

Правда, были и весьма принципиальные выступления, прежде всего, — народного артиста БССР А. Абушахманова. Но их было очень мало. Приходится сожалеть, что весьма робко звучит голос и партийной организации театра (парторг Р. Набуллин). Иные артисты воспринимают критику как посягательство на авторитет и, вообще, на личность художественного руководителя. Именно так был воспринят мой доклад, сделанный на объединенном заседании. Так вот, хочу высказаться по этому поводу.

И я, и мои коллеги всегда считали и считают Рифката Вакиловича даровитым режиссером, который осуществил за время своей ра-